

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЗНАНИЯ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

В.П. Барышков¹

АНО ВО «Санкт-Петербургская юридическая академия»,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: vladipetr@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена осмыслению связи науки и познающего человека (ученого), которая сводится к двум конструктивным формам самосознания: во-первых, значению человека для познания – быть инструментом (научного) познания; во-вторых, значению познания для человека – насколько человек реализуется как субъект в научно-познавательной деятельности. Роль субъекта и субъективности в (научном) познании понимается как условие его возможности.

Ключевые слова: субъективность, идентичность знания, «обесчеловечивание» науки, «бессознательное» воспроизведение Истины, «живое знание».

Один из лидеров антропологического направления в отечественной эпистемологии Л.А. Микешина утверждает, что современная наука о познании должна строиться не в отвлечении от человека, а на основе доверия человеку как целостному субъекту познания. Она полагает, что в такой трактовке субъект познания не только не мешает достижению истины, но неотъемлем от получения объективно истинного знания и выступает условием самой возможности познания. Целостный субъект познания воплощает, как подчеркивает Микешина, «ответственно мыслящее участное сознание» и активное заинтересованное понимание. В этом случае познание превращается в поступок – «ответственно поступающую мысль» [1, с. 20].

Связь науки и человека сводится, на наш взгляд, к двум конструктивным формам самосознания: 1) значение человека для познания – выступать инструментом (научного) познания; 2) значение познания для человека – насколько человек реализуется как субъект в научно-познавательной деятельности. Рассмотрим значение научного познания для человека. В свое время Н. Бердяев полагал, что наука – не творчество, а послушание; ее стихия – вовсе не свобода, а необходимость. Наука есть орудие приспособления к данному миру, к навязанной необходимости [2, с. 266–267]. Для Н. Бердяева человека в науке не хватает и не может быть по определению. По существу, в его словах представлен диапазон постановки вопроса о присутствии человека в науке: от категорического отказа в этом присутствии до сожаления, что его там недостаточно. Такое суждение, на наш взгляд, относится в большей мере не к науке, а к человеку.

Теперь рассмотрим значение человека (ученого) в познании: а) социально-психологические факторы играют (не играют) существенную роль в научном познании; б) Истина и Природа говорят (не говорят) человеком.

а) Роль субъекта и субъективности в (научном) познании. Это вопрос о природе познания и характере «участия» человека (ученого) в нем. Инструменталистская позиция заключается в утверждении, что социально-психологические факторы сколько-нибудь

¹ Барышков Владимир Петрович, доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Автономной некоммерческой организации ВО «Санкт-Петербургская юридическая академия» (Санкт-Петербург).

существенной роли в научном познании не играют и даже вредят ему. Для некоторых авторов человека в науке слишком много. В этой связи один из отечественных исследователей пишет: «Требование «гуманитаризации» науки с введением в нее человека с его эгоистическим Я <...> может сделать науку гораздо менее гуманной, чем в случае, когда субъективность выхолощена вообще из нее» [3, с. 18].

б) Природа познания есть «бессознательное» воспроизведение Истины. Такая позиция, помимо третирующей субъективности как произвола и предвзятости, воплощает якобы еще один способ «обесчеловечивания» науки – допускает образ «знания без субъекта». С этой позиции недопустимо считать, что устами ученых говорит Истина и Природа, поскольку в этом случае личность ученого никакого значения не имеет. «Бессознательное» воспроизведение Истины ученым вообще не представляется возможным в силу трактовки разума как мышления. Исключительная важность придается в этой связи картезианской трактовке мышления как осознания: «Под словом «мышление», – писал Декарт, – я понимаю все то, что совершается в нас осознанно, поскольку мы это понимаем». Декарт замечает, что если мы будем понимать «я вижу» или «я хожу» не как зрение или ходьбу, но как осознание зрения или ходьбы, то именно это осознание будет подтверждением нашего существования [Цит. по: 4, с. 159]. «Природа не «говорит сама за себя», а ученый не столько «читает книгу природы», сколько пишет ее, как бы пропуская знание, которое он вычерпывает из изучаемых объектов через себя, наполняя его как внутриличностным, так и социокультурным опытом» [5, с. 227]. Одним словом, с точки зрения критиков человек не может быть бессознательным орудием познания и составлять некоторую целостность (познаем то, что любим) с предметом познания.

Что же для человека важнее – быть когнитивным носителем (хотя бы и бессознательным) истинного положения дел и тем самым включаться бытийственным способом в таковое положение, или быть разумным в том отношении, что «выпадать» из этого положения дел, осознавая свою способность его мыслить? Лидер современной отечественной онтогносеологии пишет: «Экспериментируя над чем-то и обдумывая что-то, мы всегда находимся в определенном состоянии, и это наше состояние, в том числе психологическое, накладывает весомый отпечаток на содержание и смысл познанного. Истина приоткрывается только субъекту, находящемуся в координатах бытия» [6, с. 124].

Познание как процесс связано с пониманием субъектом (личностью, сообществом, обществом) проблем науки как своих в той степени, в какой он отождествляет себя с предметом познания и обнаруживает себя в поставленных темах. В таком случае знание носит личностный характер (для человека и культуры, для человека культуры). В противном случае знание имеет номинативный (назывной, безличный) характер и представляет собой способ ухода от знания, форму его неприятия, форму отказа от знания, когда не требуется ответственности и обязательств знающего за воспринятые знания.

Одной из форм онтогносеологии можно считать взгляды на познание С.Л. Франка. «Живое знание» – понятие, которым С.Л. Франк характеризовал знание, отличающееся от чисто рационалистической или абстрактной формы познания: «...кроме чувственного и интеллектуального созерцания мы обладаем еще особым, и притом первичным, типом знания, который может быть назван живым знанием», – приводит слова С.Л. Франка изучавший этот вопрос Ф. Буббайер. Знание такого рода укоренено и пребывает в том, что Франк называл «жизнью»: «...наша мысль рождается и действует как-то из глубины самой открывающейся реальности, совершается в самой ее стихии. То, что мы испытываем как нашу жизнь, как бы само открывает себя нам – открывается нашей мысли, неотделимо присутствующей в этой жизни» [7].

В первом приближении субъект познания – тот, кто осуществляет исследование. В философии и науке классического периода этот некто противопоставляется, как правило, объекту познания, является «импульсом» осуществления соответствующего процесса. В то же время эпистемический субъект стремится исключить влияние своих индивидуальных (или групповых) представлений и предпочтений на содержание получаемых данных о предмете. Именно так формируется современное представление о «субъективном» и «объективном» как параметрах познавательного процесса. «Классическая эпистемология, согласно Р. Рорти, опирается на философию индивидуального человеческого разума, которая возникает в Новое время. Тогда разработка новых интеллектуальных технологий опиралась на исследования в области философии сознания», – подчеркивает Д.В. Анкин [Цит. по: 8, с. 11].

В постнеклассической гносеологии изучение субъективных параметров познавательных процессов связано с пониманием их зависимости от ценностных и коммуникативных аспектов человеческого бытия и сознания. Одновременно продолжается поиск «противоядий» против субъективизма и релятивизма, риск которых возрастает при включении в предмет анализа субъективных параметров познания. С целью «более глубокого постижения субъективной стороны познания» И.Т. Касавин ввел понятие «совокупного познавательного процесса (СПП)» [9]. Интеграция субъективно-экзистенциального измерения знания в пространство науки – одно из направлений в динамике ее конструктивного образа.

Как показал анализ литературы, под субъективностью в познании понимают социально-психологические, экзистенциальные, ценностные и коммуникативные аспекты человеческого бытия и сознания. Так, субъективный аспект существования знания (как научного, так и вненаучного) связывают с разными уровнями экзистенции человека. В.Ю. Даренским предложена типология знания на экзистенциальной основе [10]. Определяются три уровня знания: инструментально-орудийный, модельно-когнитивный и бытийно-личностное, и три формы: 1) знание-умение; 2) знание-представление; 3) знание-бытие.

Знание-умение представляет собой совокупность навыков орудийной деятельности. Оно состоит в умении применять их для решения конкретных познавательных задач: знание закона физики состоит не только в умении его правильно сформулировать, но и в умении правильно применить для решения физической или инженерной задачи. «Знание поэзии» есть не только умение по памяти читать стихи, но и умение воспроизводить в себе те экзистенциальные состояния, которые передает тот или иной стих. Религиозный опыт будет знанием-умением, когда человек с помощью некоторой практики (культовой, молитвенной и деятельностной) умеет воспроизводить и развивать в себе опыт духовного ведения.

Знание-представление есть осуществление знания на модельно-когнитивном уровне. Оно означает воспроизведение человеком по памяти фактических и теоретических знаний, как мы уже говорили, в номинативной (назывной) форме. Таково знание грамматики иностранного языка без умения говорить на нем; знание стихов наизусть при отсутствии поэтического вкуса; знание догматики той или иной конфессии без собственного религиозного опыта. В науке – это «зазубренный» учебник при отсутствии понимания и навыков реального применения содержащихся в нем знаний.

Знание-бытие есть не только индивидуальный культурно-психологический контекст знания, но особая форма его осуществления, когда знание включается в процесс формирования самой личности. Без знания-бытия, как полагает В.Ю. Даренский, наука была бы невозможна. Свидетельствуют об этом личностные черты мышления автора, отразившиеся в созданном им научном тексте и неразрывно связанные с особенностями порождения нового знания. Впоследствии они сглаживаются. Тем не менее за всякой научной дискуссией просматривается борьба не только конкретных концептуальных

позиций, но и «закодированные» в этих позициях различные типы экзистенциального опыта и личностного мироотношения.

Весьма часто даже само занятие той или иной проблемой или научной дисциплиной является для исследователя средством разрешения некоторой личностной экзистенциальной проблемы. В.Ю. Даренский формулирует закономерность, которая наблюдается в истории науки: чем в большей степени у ученого акцентирован модус осуществления знания как знания-бытия, т. е. чем в большей степени его научные изыскания укоренены в самом способе его мировидения и самосознания, тем самым становясь бытийным феноменом, формирующим саму его личность, – тем больших научных результатов он достигает на уровне исследования конкретных проблем. И наоборот: если научная деятельность остается лишь на поверхности сознания ученого, не составляя для него экзистенциально важного, жизненно насущного интереса, то ее результаты не будут значительными [10, с. 43].

Изложенная выше точка зрения о бытийно-личностном уровне знания прямо сталкивается с позицией, по которой ценность имеют именно обезличенные творения ученого: «Сама возможность обобщения и, кстати, понимания этих обобщений другими людьми говорит о сходимости личных переживаний, в связи с чем они становятся уже не совсем личными, а над-личностными. И чем более инвариантные мотивы находит творец, тем более его ценят, т. е. чем меньше в нем конкретного Я субъекта, тем больше ценность его творений» [3, с. 13]. Представляется, что ответом на такое категоричное отрицание личности в науке будет толкование и применимость концепта субъектности при рассмотрении научного знания. Субъект формирует знание об окружающем мире и при этом определенным образом осознает себя в подобном процессе. «Обращение к параметрам субъектности познавательного процесса предполагает учет субъективных параметров когнитивного акта... с целью более глубокого понимания особенностей самого этого знания. Знание существует исключительно в пределах познавательного горизонта способного к его восприятию человека. Оно не только неразрывно связано с человеческой субъективностью, то есть с особенностями осознания человеком себя, но является структурированным исключительно исходя из этих особенностей. Это означает дополнительные когнитивные измерения знания, но не ведет к «психологизации» познавательного процесса» [11, с. 21]. Следствием может быть постепенное замещение «дискриптивизма» конструктивистской методологической установкой. Исследователь (исследовательское сообщество) постепенно осознает себя в качестве субъекта формирования знания.

Таким образом, в статье осуществлен обзор концептуальных подходов и позиций по проблеме применимости экзистенциально-антропологических предпосылок и критериев к истолкованию научного знания. Существенным итогом является констатация устойчивой тенденции в современных эпистемологических исследованиях к обоснованию природы научного знания посредством его человекообразности.

Список литературы

1. Микешина Л.А. Эпистемология в России: ее становление в контексте гуманитарных и социальных наук / Л.А. Микешина // Эпистемология и философия науки. – 2019. – № 1. – С. 8–22.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Н.А. Бердяев. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 607 с.
3. Савельев А.В. Темная сторона силы, или Субъективность в эпистемологии / А.В. Савельев // Философия науки. – 2010. – № 3. – С. 3–22.
4. Волков А.В. О человеческом измерении научного познания / А.В. Волков // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XX, № 2. – С. 157–170.

5. Волков А.В. Наука и консенсус. Критика одного из мифов обыденного сознания / А.В. Волков // Вестник ТОГУ. – 2010. – № 1. – С. 219–228.
6. Фатенков А.Н. Мысль М.А. Лифшица в реалистическом развороте отечественной философии / А.Н. Фатенков // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12, № 1. – С. 123–132.
7. Буббайер Ф. Русская версия христианского реализма: духовная мудрость и политика в мысли С.Л. Франка [Электронный ресурс] / Ф. Буббайер // Вопросы философии. – 2016. – № 4. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1382&Itemid=52 (дата обращения: 21.09.2018).
8. Анкин Д.В. Ожидается ли конец эпистемологии? / Д.В. Анкин // Философия XX век: проблемы, тенденции, перспективы: материалы I Всероссийской научной конференции молодых ученых, 12–14 марта 2009 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. – 144 с.
9. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания / И.Т. Касавин. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. – 408 с.
10. Даренский В.Ю. Экзистенциальная типология знания в контексте постнеклассической рациональности / В.Ю. Даренский // Парадигмы современной науки. – Караганда: THESIS, 2009. – С. 39–45.
11. Медведев В.А. Субъектная составляющая теоретического познания: тенденции преобразования эпистемологической проблематики / В.А. Медведев // Философия науки. – Новосибирск, 2009. – № 2. – С. 15–27.

IDENTITY OF KNOWLEDGE IN THE EXISTENTIAL-ANTHROPOLOGICAL PARADIGM

V.P. Baryshkov²

St. Petersburg law Academy, St. Petersburg, Russia

E-mail: vladipetr@mail.ru

Abstract. *The paper is devoted to understanding the connection between science and the knowing human (scientist), which boils down to two constructive forms of identity: first, the importance of human cognition to be the instrument of (scientific) knowledge and, secondly, the value of knowledge for man as man is realized as the subject of scientific and cognitive activity. The role of subject and subjectivity in (scientific) cognition is understood as a condition of its possibility.*

Keywords: *subjectivity, identity of knowledge, «dehumanization» of science, «unconscious» reproduction of Truth, «living knowledge».*

² Baryshkov V.P., doctor of philosophy, Professor of the Department of social and humanitarian disciplines of the "St. Petersburg law Academy" (St. Petersburg).